

Как раз наступил понедельник, и из-за небольших изменений в расписании учебный староста перед вечерней самоподготовкой сходил в учительскую, принес оттуда новенькое расписание и повесил его на доску объявлений.

Шэн Ван, прищурившись, пару секунд разглядывал лист, а затем, похлопав Гао Тяньяна по плечу, спросил:

— Почему в тех двух вечерних колонках тоже написаны названия предметов?

— М-м? В каких еще колонках? — Гао Тяньян как раз уткнулся в парту, отвечая кому-то в WeChat, и не сразу понял, о чем тот спрашивает.

— В расписании на доске объявлений. — Шэн Ван перестал крутить ручку в пальцах и указал кончиком в ту сторону. — На сегодняшний вечер там стоит физика.

— В расписании?

— Ага.

Гао Тяньян поднял голову, посмотрел вперед, замер секунды на три, а затем резко обернулся:

— Ты, черт возьми, сидишь на предпоследней парте и можешь разглядеть, что там написано?

— Могу.

— У тебя что, микроскоп в глаза встроен?

Шэн Ван медленно и четко произнес:

— Иди к черту.

— Нет, я просто выражаю свое потрясение. Оглянись вокруг, ты не заметил, что ты единственный в классе, у кого нет близорукости? — сказал Гао Тяньян.

Шэн Ван даже не обернулся, лишь ткнул большим пальцем себе за спину и почему-то понизил голос:

— Он тоже не носит очки, он что, не человек?

Но Гао Тяньян не уловил его настроя и все так же громко ответил:

— Брат Тянь просто обычно их не носит, вот начнется урок — сам увидишь.

«На черта мне на него смотреть, придурок, зачем так орать?» — подумал Шэн Ван.

К счастью, Цзян Тянь снова использовал перемену, чтобы отоспаться, и ничего не слышал.

Шэн Ван искренне недоумевал: почему этот парень каждый день выглядит таким невыспавшимся, словно по ночам ворует? Неужели он столько задач решает?

Пока он витал в облаках, на передних партах поднялся гул.

До него отчетливо донесся голос учебного старосты, пропитанный духом сплетен:

— Честное слово, не знаю, что стряслось, но когда я зашел в учительскую, они там все на ушах

стояли. словно с ума сошли, такие возбужденные, болтали без умолку.

— О чем говорили-то?

— Не расслышал, как только я вошел, они сразу замолчали.

— Ну и нахрена тогда болтать.

Гао Тяньян был парнем активным, поэтому, услышав старосту, перемахнул через две парты и присоединился к обсуждению. В итоге первоначальный вопрос Шэн Вана так и остался без ответа.

Впрочем, вскоре ответ нашелся сам собой.

Вскоре после звонка на вечернюю самоподготовку классный руководитель Хэ Цзинь зашла в класс со стопкой контрольных работ под мышкой. Она как ни в чем не бывало бросила их на кафедру, привычным жестом потянула за собой классную доску и сказала:

— Оценки за еженедельное тестирование выставлены, на сегодняшнем уроке разберем ваши работы.

И вот тут до Шэн Вана дошло —

Вечерняя самоподготовка в этой дурацкой школе вовсе не была настоящей самоподготовкой. Это были полноценные уроки! С понедельника по пятницу, каждый вечер по одному предмету — расписание составлено предельно ясно.

И тут возникал вопрос...

На дневных занятиях им задали домашку. С математикой, физикой и химией все было просто и жестоко: по каждому предмету выдали по листу с заданиями. Литература проявила хоть каплю человечности: вместо целого теста распечатали только два текста для чтения. Единственным предметом, пощадившим их жизни, оказался английский, просто потому, что днем его не было.

В общем, если сложить все предметы, набиралось около 8 чертовых листов. Если на вечерней самоподготовке нельзя заниматься своими делами, то когда, спрашивается, делать всю эту макулатуру???

Шэн Вану на миг стало нечем дышать.

Хэ Цзинь, закончив вступительную речь, приподняла стопку бумаг, встряхнула ее и сказала:

— Всем не терпится узнать свои результаты, да? Сначала скажу о своих общих впечатлениях. Мне кажется, за летние каникулы вы окончательно отупели.

Все промолчали. Лишь у некоторых дрогнули губы — видимо, они мысленно возмущались, что эти десять дней вообще можно назвать «летними каникулами».

— В целом вы написали хуже, чем на последних экзаменах прошлого семестра. Скорость решения задач упала, это сразу видно при проверке. Дело не в том, что вы не знаете материал, а в том, что не успеваете нормально ответить. Эх, у некоторых из вас последний иероглиф был написан такой дрожащей рукой, просто жалость берет. У меня даже рука не поднялась зачеркнуть...

Выражение ее лица немного смягчилось, и она с раздражением добавила:

— Поэтому я просто сняла баллы за задание и заодно вычла два балла за грязь в работе.

Кто-то в классе не выдержал и жалобно скушнул.

Хэ Цзинь отозвалась:

— Что вы тут ноете? Думаете, ваши жалобные стоны помогут?

Более сорока человек хором протянули:

— Бесполе-е-езно... хнык.

Шэн Ван: «...».

У них что, от чрезмерного давления весь класс в психов превратился?

Хэ Цзинь тоже невольно рассмеялась от злости, но, видимо, уже привыкла к такому — явно не в первый раз:

— Я знаю, что это ваша старая болячка, каждый раз после каникул одно и то же. Даже говорить не хочется, вы хоть немного совесть имейте, а?

Весь класс снова протянул:

— Имее-е-ем.

Хэ Цзинь ткнула в них пальцем:

— Сборище врунов.

Класс взорвался смехом.

— Еще и смеяться смееете! — продолжила Хэ Цзинь. — В этот раз средний балл класса ниже, чем на прошлом экзамене. Некоторые товарищи приложили воистину титанические усилия, чтобы потянуть нас на дно.

Большинство учеников проявили тактичность и ни на кого не смотрели — как бы хорошо они ни общались, нужно было сохранить лицо. Но нашлись и те, кто не удержался и начал озираться по сторонам, вытягивая шею.

В этот момент Шэн Ван почувствовал себя так, словно на него направили прожектор. На него пялилось как минимум пять или шесть человек.

Хэ Цзинь поправила очки и сказала:

— Чего глазами стреляете? Вы еще работы свои не получили, а уже на новенького пялитесь! Я как раз собиралась об этом поговорить. Шэн Ван только в субботу перевелся в наш класс, материал экзамена он вообще не проходил. Но если пересчитать по нашим обычным пропорциям, то по физике и химии он получил оценку «В», а в сумме за китайский, математику и английский набрал больше трехсот баллов. По меркам Гаокао этого вполне достаточно для поступления в бакалавриат. И чтобы добиться такого результата, он потратил всего один день.

Она подняла один палец, перевела взгляд на Шэн Вана и улыбнулась ему.

В классе на три секунды воцарилась тишина, а потом все сошло с ума.

Более сорока голов одновременно повернулись в его сторону, больше восьмидесяти глаз уставились на него. Шэн Ван почувствовал себя так, словно его вывесили на доску позора.

Он сухо усмехнулся, дернув уголком рта, и нарочно подцепил пальцем вращающуюся ручку, планируя тактически ее уронить. Под предлогом того, что нужно поднять ручку, он мог бы наклониться и переждать, пока все не отвернется.

Но он случайно перестарался, гелевая ручка описала в воздухе две дуги и улетела назад.

Конец. Прилетело прямо в ходячее несчастье.

Шэн Ван неловко обернулся и на мгновение опешил.

Во время урока на переносице Цзян Тяня и впрямь красовались очки. Линзы были очень тонкими, и, насколько Шэн Ван мог судить, диоптрии у них были небольшие. Тонкая оправа цвета табачного листа добавила бы интеллигентности любому другому лицу, но Цзян Тянь был исключением.

Холодный белый свет ламп над головой отражался в его линзах, придавая глазам ледяной блеск. На его лице крупными буквами было написано: «Я недоволен».

Гелевая ручка покатила по парте. На его руке, лежавшей на столе, осталась кривая чернильная линия, которая особенно бросалась в глаза на фоне бледной кожи.

Он поднял глаза, несколько секунд смотрел на Шэн Вана сквозь линзы, затем взял ручку и надел на нее колпачок.

— Спасибо. — Шэн Ван подумал, что тот собирается вернуть ему ручку, и уже собирался извиниться. Но стоило ему открыть рот, как Цзян Тянь с силой положил закрытую ручку перед собой. И не было ни малейшего намека на то, что он собирается ее отдавать.

— Ты чего? — спросил он.

Цзян Тянь уже неотрывно смотрел на классную доску и процедил:

— Чтобы у тебя больше руки не чесались.

Шэн Ван: «???».

— Что случилось? — спросила Хэ Цзинь с кафедры.

Шэн Ван не мог опуститься до такой глупости, как жалоба учителю, поэтому ему пришлось повернуться обратно, улыбнуться Хэ Цзинь и сказать:

— Ничего, учитель. Завуч Сюй велел мне почаще обращаться за советом к Цзян Тяню, вот я и спросил, когда же я смогу получить проходной балл.

Класс тут же грохнул от смеха, и ученики перестали так пристально пялиться на него.

Хэ Цзинь тоже рассмеялась:

— Действительно, если считать баллы по работе, то до проходного по математике, физике и химии тебе не хватило совсем чуть-чуть. Но это уже близко, достаточно немного закрепить материал. Достичь такого уровня за один вечер — это значит, что у тебя очень, очень высокая способность к обучению.

Она использовала целых два «очень», чтобы похвалить его, и Шэн Ван про себя бессовестно согласился: «Все верно».

— Впрочем, с точными науками всегда так: базовые баллы набрать легко, но когда приходишь до определенного уровня, каждый следующий балл дается с огромным трудом.

Хэ Цзинь, говоря это, разделила стопку работ по рядам и передала их ученикам за первыми партами, чтобы они нашли свои листы, а остальные передали назад.

Когда стопка дошла до Шэн Вана, в ней осталось всего два листа. Один его, другой — Цзян Тяня. Способностей к обучению, которые он продемонстрировал за один день, вполне хватило бы, чтобы распустить хвост павлином перед учителем и большинством одноклассников, но, увидев баллы Цзян Тяня, он тут же этот хвост свернул.

Потому что у Цзян Тяня был высший балл.

Черт.

Беззвучно выругавшись, Шэн Ван взял листок и обратился к Цзян Тяню:

— Работа нужна? Ты мне ручку, а я тебе тест. Баш на баш.

Цзян Тянь мельком взглянул на лист:

— Денег нет.

Сказав это, обладатель высшего балла снял очки, выудил из парты кипу распечаток, которые задали днем, и, вооружившись конфискованной ручкой, принялся делать уроки.

Шэн Ван чуть не лопнул от возмущения.

Разбирать контрольные для учителя довольно утомительно, но для учеников это не так уж и тяжело. Ученики класса «А» славились своей непоседливостью: почти у каждого на парте лежали два листа. Один — только что розданный тест, а другой — домашнее задание.

Хэ Цзинь стояла у доски и объясняла задачи, а ученики внизу ловко жонглировали двумя ручками. Слыша разбор своей ошибки, они брали красную ручку, чтобы внести исправления и сделать пометки, а в остальное время с головой уходили в домашку.

Они переключались между двумя делами так виртуозно, что сразу было видно — тертые калачи.

Шэн Ван огляделся, пробормотал себе под нос: «Если жизнь тебя принудит...», сунул руку в парту и тоже достал домашнее задание.

В восемь часов вечера самоподготовка закончилась. Гао Тяньян и остальные радостно воскликнули «Кайф!», будто сорвали куш, схватили рюкзаки и пулей вылетели из класса.

Шэн Ван застегнул молнию на рюкзаке и собирался было позвонить дядюшке Чэню, но тут ему

позвонил Шэн Миньян.

— Чего тебе? — Шэн Ван на секунду озадачился, а потом вдруг вспомнил: сегодня день, когда Шэн Миньян перевозит вещи Цзян Оу и Цзян Тяня. А это значило, что с сегодняшнего вечера в просторном родовом особняке в переулке Байма станет на два человека больше.

И действительно, Шэн Миньян, поворковав с сыном пару минут по телефону, сразу перешел к сути:

— Вечерняя самоподготовка уже закончилась? Сяо Чэнь почти подъехал к школьным воротам, захвати с собой Сяо Тяня и возвращайтесь вместе.

ТЬфу.

Юный господин мысленно плюнул и подумал: «Сам его захватывай, мне-то какое дело». Живой человек все-таки, а ему дают такие указания, будто у того вырастут ноги и он сбежит.

Этот звонок только раздражал, и Шэн Ван недовольно ответил:

— Он сидит прямо за мной, если что-то нужно, говори с ним сам.

Сказав это, он повернулся и протянул телефон к парте позади. Но та оказалась совершенно пустой: этот ублюдок Цзян Тянь действительно отрастил ноги и сбежал.

<http://bllate.org/book/17874/1707985>